

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ В КУРСЕ ФИЛОСОФИИ*(ДИАЛЕКТИКА КАК ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ)

Диалектика в своем исходном значении (древнегреческом) понимается как искусство спора, как технично организованная полемика, направленная на мак-

* Продолжение. Начало см.: Ярославский педагогический вестник. 2003. №4

симально объемное и динамичное понимание предмета спора. Уже это предполагает, что диалектическая методология, в отличие от формально-логической, со-

ориентирована прежде всего на предмет и мысль, а не на слово, поэтому часто имеет метафорически-художественную форму выражения. При этом она стремится добиться максимально полного понимания предмета, такого, которое бы открывало его подвижность, противоречивость, включенность в различные системы связей и отношений.

Именно противоречивость и динамизм являются главными координаторами диалектической методологии, в основе которой лежит “способность выносить напряжение противоречия в составе теоретического выражения явлений внешнего мира” [4. С.67]. Не случайно Гегель полагал, что диалектика есть максимальная мощная концентрация способности постигать, понимать способности как самого мира, так и человека, следующего за смыслом мира, а не субъективная игра в доказательства. Гегелевская разработка диалектики определяется тем, что в его философской системе природный исторический и духовный мир предстают в единстве. Главной характеристикой этого единства является то, что оно пребывает в непрерывном процессе становления. А основной характеристикой этого процесса является противоречие. Диалектика – движение, которое лежит в основе всего как подлинно духовная действительность, и то же время - движение человеческого мышления, поскольку оно участвует в духовном движении всеобъемлюще.

Диалектика - это “использование в науке закономерности, заключенной в природе мышления, и в то же время сама эта закономерность” [3. С.84] Важней-

творечия в самой действительности: действительности развертывания Абсолюта.

Такое универсальное понимание диалектики дает возможность говорить, во-первых, о различении объективной и субъективной диалектики (диалектики как действительности мира и диалектики как действительности мысли). Во-вторых, о том, что диалектика может пониматься как универсальная динамика мира, как метод мышления и как система знаний об этом методе, т.е. как особая логика. А значит, в-третьих, что феномены диалектики, теории познания и логики оказываются практически тождественными.

Панорама так понимаемой диалектики является “изображением царства мысли” [2. С.81] и имеет два “лика”. Один явный, теоретический, включающий в себя разработку известных принципов, законов и категорий диалектики, а другой - неявный, который Гегель называет “пластическим способом изложения” [2. С.92]. Во многом метафорически-художественный, он живописует саморастворение духа в материальном мире и возникновение новых форм вечного становления. В этой панораме исчезает все отжившее, окостеневшее, очевидные истины рассудка. Прочное бытие, неподвижное существование - это лишь химеры неразвитого мышления. Все бытие - переход, ступень в спиралевидном развитии, борьба за единство на более высоком уровне.

Диалектика - судьба (и даже Голгофа) теоретизма. Муки творчества для сознания - это выражение в виде понятий всей полноты действительности, стремление абстрактного к конкретному, кон-

кретного ко всеобщему, а всеобщего к абсолютному. “Диалектика есть ... движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки имманентную связь и необходимость” [3. С.206].

Диалектика понимается как универсальный принцип жизненности мира, принцип, который по-разному проявляется во всем: природе, мире вещей, истории, человеке. Она понимается как принцип соединения созидательных и разрушительных начал. Диалектика - слово для обозначения “томления”, творчества и теоретизирования Духа. Такое понимание диалектики Гегелем является естественным оформлением исторически накапливающихся диалектических представлений и нарастающего убеждения в необходимости создания новой Логики.

Во всей совокупности своих методов, приемов и правил диалектика осознается не как антитеза формальной логике (для нее она скорее ее действительное продолжение в виде логики диалектической), а как антипод метафизике. В сопоставлении с диалектикой метафизика приобретает значение догматического метода. Это обусловлено гегелевским пониманием абсолюта как необоримо развивающегося. Гегель рассматривал такое понимание как радикально противоположное по отношению к имеющейся в его время метафизике, догматизировавшей абсолютное.

Гегель чаще всего говорит о метафизике менторски-уничжительно, даря ей эпитеты “дурная”, “наивная” и т.п. По его мнению, метафизика совпадает с формальной логикой в худшем ее аспекте, в неспособности размышлять о природе соответствия форм мышления и вещей. Логика понимает себя как наука о формах мышления, которые раскрывают вещи. Метафизика - как “наука о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается, что они выражают существенное в вещах” [2. С. 119]. И то и другое бессодержательно. Подлинной задачей диалектики является “методическое развитие содержания”: содержания абсолютного и

содержания мира, которые определяют друг друга, а не являются всего лишь взаимными предпосылками. Что бы ни оказалось приоритетным такой предпосылочности, оно превратит философию в софистику, она будет только “объяснять, резонировать, опровергать” (там же).

Диалектический материализм создал фундаменталистски-прагматическую интерпретацию гегелевской разработки “движения” понятий в развертывание абсолюта. Диалектика была определена как “алгебра революции”. В этом случае она понимается максимально инструменталистски, как специфический набор приемов, противопоставленных метафизике и по методу, и по целям. Гегелевская диалектика максимально структурируется - до дидактического состояния, из нее эксплицируются четкие формы, пригодные, как представляется, для замены форм обычной логики. Но тем самым диалектика исчерпывает логику своего принципа и опустошается.

Важнейшими требованиями диалектической логики являются:

1. Всесторонность рассмотрения. Определение предмета должно интегрировать в себе все его стороны и все его взаимодействия, соотносить целое и его части.

2. Учет самодвижения и развития. Определение предмета должно охватывать его как становящийся, различать целостный процесс развития и его этапы.

3. Конкретность истины. Нельзя принимать в качестве истинного определения некоторое принимаемое безусловно положение с тем, чтобы по нему измерять события. Напротив, следует отыскивать истинное определение, определять истинное положение дел, исходя из совокупности конкретных обстоятельств.

4. Детерминация практикой. В полное определение предмета должна входить вся человеческая практика по созданию и определению этого предмета.

Требования диалектической логики не являются бессмысленными. Они скорее переизбыточно осмысленны и потому не выполнимы. В этом фундаментальный

проблематизм диалектики. Являясь методологией динамизма, она, тем не менее, чаще всего реализуется либо как релятивизм, либо как “железобетонный догматизм”, как говорил К. Поппер. Не случайно Г. Гадамер полагает, что Гегель желал вслед за Богом продумать в своей “Логике” Его мысли. А с другой стороны, теоцентристской философией диалектика понимается как болезнь релятивизма (как непостижимая гордыня человеческого духа, измельчающая мир в противоречиях).

Можно сказать, что диалектика сталкивается с неразрешимой проблемой соотносительности глобальных и локальных принципов. Диалектика, возникая у Гераклита и формируясь в систему у Гегеля, предстает инструментом предельно фундаментального начала (силы) мира: Логоса или мировой идеи. Поскольку она понимается как инструмент разрешения самой мощной теоретической задачи, то предполагается ее безусловная достаточность и приемлемость для рассмотрения менее масштабных задач. И вот тут диалектика часто оказывается непродуктивной, а потому приобретает вид особого догматизма.

Происходит деформация как теоретических, так и практических смыслов диалектики. “Дух” диалектики, выражающийся в способности “выносить напряжение противоречия в составе теоретического высказывания”, подменяется ее “буквой” - схематизмом законов, категорий и т.п. С одной стороны, символом диалектики становится триада: тезис, антитезис, синтез, и ей придается такой же статус, как правилам силлогизма формальной логики или аксиоматически-дедуктивного метода научного исследования. (В соответствии с этим, например, такой “предмет исследования”, как история, разбивается на доклассовое общество, общество классовое и необходимое новое бесклассовое, что означает неизбежность коммунизма.) С другой стороны, требование конкретности и практической определенности истины оборачивается социальным волюнтаризмом, мифотворчеством незатейливых и недале-

ких социально-политических интересов. (Не случайно революционные бойцы у поэта чеканно возвещают: “Мы диалектику учили не по Гегелю!”).

При обнаружении таких необычных границ диалектики возникает стремление сохранить суть диалектической методологии, связанной с необходимостью постижения динамики мира, но избежать ее гипертрофирования. Появляется масса ее альтернатив, которые при этом часто не склонны отдавать должное “первоисточнику”. Эти альтернативы либо тем или иным способом модифицируют (в сторону упрощения) метод, либо выводят его в ту или иную определенную область, в соответствии с которой он и видоизменяется.

В качестве первых выступают эволюционизм, релятивизм, метод проб и ошибок и даже модификации формально-логической традиции. Если формирование последних двух определяется целями и задачами прежде всего научной методологии, то эволюционизм и релятивизм не связаны столь тесно с научной методологией. Эволюционизм связывает идею развития с поэтапностью и постепенностью качественных изменений, исключая из этого процесса противоречивость и скачкообразность. Релятивизм гипертрофирует и абсолютизирует изменчивость и текучесть мира, а также нашей мысли. Любые проявления стабильности элиминируются (удаляются), все феномены наделяются характеристикой “безусловной условности”. Релятивизм рождает своеобразную “текучую логику” (Г.Померанц), которая, как правило, строится по модели художественного, метафизического, мифологического, религиозного и т.п. восприятия. Релятивизм оказывается иным вариантом переизбыточности диалектики. Абсолютная монументальность жизненности мира, с одной стороны, и абсолютная зыбкость - с другой, в равной степени деформируют диалектику.

Создание к XX веку разнообразных систем логик является результатом усилий сделать логику более динамичной, адекватной, способной точнее осваивать

многокачественность и подвижность мира. Наиболее полно это проявилось в создании метода проб и ошибок, который предложил и который попытался сформулировать К.Поппер. Это метод очень мобильной комбинаторики исследования в науке, когда вся совокупность научных методов, активно и неординарно дополняя друг друга, выявляет некоторую реальность через цепи опровержений.

Поппер не только предложил этот метод, но манифестировал его как полнокровную и подлинную альтернативу диалектике. Этому посвящена его известная и во многом “знаковая” работа “Что такое диалектика?” (доклад, прочитанный в 1937 году в Кентерберийском университетском колледже и опубликованный в виде статьи в 1940 году). Эта работа в диалоге с более поздними размышлениями представителей Франкфуртской социологической школы (М.Хоркхаймер, Т.Адорно, Г.Маркузе и др.) составила “факт биографии” европейской философии XX века и является одним из классических ее образцов.

Диалектические надежды оказались обманчивыми - таково общее настроение исследований диалектики в европейской философии XX века. Различие между философскими направлениями - в понимании причин этого, степени иллюзорности, возможных перспектив и т.п. Позиция К. Поппера достаточно радикальная. Он полагает, что диалектика должна быть заменена методом проб и ошибок, который намного продуктивнее может реализовать гегелевскую задачу - использовать все мыслимые решения проблем. Интерпретация в терминах метода проб и ошибок является намного более гибкой, чем интерпретация в терминах диалектики, поскольку новый метод эффективней работает в процедурах проверки, критики, испытания теоретического знания, прежде всего научного.

Более того, диалектика - опасна, поскольку изначально привлекательна. Но мы “должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей мнимых достоинств” [6. С. 121]. Диалектика опасна прежде всего для науки, во-первых, по-

тому, что она слишком метафорична и даже мистична, а значит, ведет к концу рациональности, а во-вторых, потому, что кладет в основу объяснения мира противоречие, поскольку в случае признания двух противоречивых высказываний истинными придется признать какое угодно высказывание, а это - крах науки.

Кроме того, диалектика неприемлема по мировоззренческим и идеологическим соображениям. Она - самая изощренная форма несвободы, прежде всего несвободы мышления, несвободы, которая сознательно выбирается как признание обязательности фундаментализма, тоталитаризма, профетизма и т.п. Точно также как по отношению к науке диалектика рождает опасный теоретический сумбур, по отношению к жизни она рождает формы зависимости, подобные религиозным, лишаящим человека широты и свободы самоизъявления.

Конструктивизм и фундаментальность представляются Попперу более предпочтительными (и теоретически, и идеологически) в сравнении с пластичностью и историчностью диалектики. Но поскольку последние имеют огромное значение в процессе познания, то диалектика не может быть упразднена совсем: она должна видоизменяться под воздействием метода проб и ошибок, чтобы понять свое подлинное, вполне скромное место.

Поппер говорит, что пророчество не обязательно должно быть ненаучным, но даже в этом случае оно малоценно для науки, у которой есть достаточные возможности для работы с предметом пророчества. И точно так же у логики есть возможности построить такую систему, в которой из двух противоречащих высказываний не следовало бы какое угодно высказывание. Но, как показал сам Поппер, такая “система оказалась бы чрезвычайно слабой, в ней сохранились бы лишь очень немногие из обычных правил вывода” [6. С.125].

Диалектика может быть корректной, если убрать ее “железобетонный догматизм” [6. С.130], устранить ее претензии на фундаментализм и сделать

описательной, понятие же противоречия заменить понятием полярности. Она может быть историей мышления, но не может быть логической теорией и тем более теорией мира. Такая история мышления “может быть вполне удовлетворительной и добавить некоторые ценные моменты к интерпретации в терминах метода проб и ошибок” [6.С.120]. В претензии на роль логической теории она всегда оказывается и слишком недостаточной и слишком избыточной: недостаточной вследствие, как было сказано, логической слабости, избыточной - вследствие метафизического догматизма.

Представив таким образом новую современную интерпретацию извечной проблемы диалектики, Поппер считает приемлемым и правильным эту проблему медленно логически “извести”, лишив диалектику ее души - противоречия и убрав ее из ее вселенной - философии. Как говорил В.Библер, “лишить философию мужества диалектики” [1. С.171], а диалектику – философского мужества.

Это в целом соответствует позитивистской тенденции вытеснения философии наукой и постпозитивистской тенденции делать “дежурные реверансы” в сторону философии, но совершенно недостаточно для понимания диалектики именно как философской методологии, особой философской логики, которая соединяет в себе стремление к оценке целостного содержания мира через тончайшие логические “эпохе” и знание о “невозможности ... конечного осуществления” этого стремления [1.С.181].

Философия – не наука, а философская методология – не методология науки. Это убеждение в той или иной степени присутствует в большинстве альтернативных диалектик, относящихся ко второму типу.

Этот тип альтернатив намного представительней первого. Сюда можно отнести диалектику исторического материализма, экзистенциальные диалектики (негативная, иррациональная, трагическая и т.п.), синергетику, теорию катастроф, конфликтологию, диалогистику и др.

Диалектика исторического материализма максимально близка гегелевской диалектике. Она раскрывает макроисторические и макросоциальные процессы развития человеческого общества. Это развитие понимается как смена особых эпох - общественно-экономических формаций, которые сменяют друг друга согласно диалектике производительных сил и производственных отношений, каждая из которых имеет также диалектическую структуру, состоящую из базиса и надстройки.

Экзистенциальные диалектики возникают как инструмент раскрытия особенностей личностной жизни отдельного человека. Это диалектики трагических перипетий и поисков человека на пути самосознания через “пространства” вины, страха, трепета, боли и т.п. Это своеобразное диалектико-трагическое и творческое научение жить.

Особенно остро и выразительно была заявлена в первой половине XX века так называемая негативная диалектика, разработанная представителями уже упоминавшейся Франкфуртской школы. Поскольку наука для них, в отличие от Поппера, – социальная конструкция, репрессивная, угнетательская, манипуляторская и т.п., то диалектика выводится ими в пространство социологии, гипертрофируется и устремляется в неопределимую перспективу, где и исчезает.

Эта позиция была заявлена в вышедшей в 1944 году книге М. Хоркхаймера и Т. Адорно “Диалектика просвещения”, а потом представлена в работах Т. Адорно “Негативная диалектика” и Г. Маркузе “Разум и революция”. В них авторы стремятся преодолеть панлогизм, тоталитаризм и принудительный характер гегелевской диалектики с помощью пансоциологической деструкции этой диалектики, осуществляемой с мегакритических позиций.

Суть этой позиции в радикальном неприятии всякой “данности”, “фактичности” и романтическом предпочтении “становления” как главной диалектической категории. Всякая “фактичность” – синоним угнетения, “становление” же -

перспектива освобождения. “Фактичность” и тоталитаризм совпадают между собой. “Фактична” и тоталитарна гегелевская система диалектических категорий. “Все мышление сплачивает тот же момент насильственного напряжения - отражения жизненной нужды, которая характеризует труд: усилия и напряжения понятий не являются метафорическими” [8.С.33].

Марксистская диалектика сознательного исторического творчества также не осуществима вследствие еще большей тоталитарности. Поэтому подлинной диалектикой может быть только диалектика мышления, отдающего себе отчет в своей недостаточности, собственно негативная диалектика. В ней логика самоджественного понятия заменяется логикой “понятия непонятого”. “Цель негативной диалектики – спасение всего “не-тождественного”, неприспособленного, неиспользованного, неутилизированного обществом тотальной унифицированности. Гегелевская “трудная работа понятия” превращается сначала в насилие над понятием, в принуждение его к самоистязанию, а затем к отказу от самого себя” [5.С.367].

Знание, конечно, – сила. Но подлинная сила знания и понятия - сила эстетически художественного авангардистского постижения мира (музыки мира у Адорно), или сила “Великого отказа принять правила игры краплеными картами” [10.С.386] (в сюрреалистической модели диалектики у Г. Маркузе).

Необходимо дистанцироваться от систематически развертывающегося понятия, чтобы обрести свободу. “Такая диалектика уже не позволяет себе присоединиться к Гегелю”. Она не ищет тождества и не стремится к нему, она лишь “подозревает тождественное”, которое понимает при этом как объективированное выражение нечистой совести логически-понятийного мышления. Поэтому негативная диалектика есть “логика разрушения”, разрушения “вооруженной и определенной формы понятия, которое познающий субъект прежде всего противопоставил самому себе” [9.С.370].

Несомненно лучше, чем Поппер знал и понимал гегелевскую диалектику, франкфуртцы следуют ее “духу”, но бунтуют против ее “буквы”. Поэтому у Маркузе гегелевская диалектика понимается как вершина “буржуазного разума” (равного “абстрактности”, “формальности”, “техничности” и т.п.). И как вершина - она есть разрушение самого этого разума. Апофеозом диалектики является революция - освобождение от “буржуазного разума”, а значит и самой диалектики, освобождение эсхатологически определенного “Будущим” - новым доисторическим состоянием.

Подмена логики изложения афористичностью привела не только к исчезновению диалектики в пространствах “Будущего”, но и к полному разрыву ее связей с наукой, что оказалось равносильно попперовскому растворению диалектики в науке. Естественно возникли концепции, стремящиеся реализовать полное взаимодействие диалектической методологии и науки, избегая при этом спекулятивности гегелевской философии.

Проникая в науку, стремясь ассимилировать ее, а не ассимилироваться ею, идеи диалектики формируют новую область научных исследований - синергетику (от греч. “синергетикос” - совместный, согласно действующий). Цель синергетики - выявление общих закономерностей процессов самоорганизации в открытых системах, приводящих иногда к возникновению новых структур. Прежде всего это относимся к системам, находящимся в существенно неравновесных условиях (излучение лазера, возникновение спиральных галактик и т.п.), синергетика привносит в объяснение мира элемент вероятности и нестабильности. Поскольку процессы самоорганизации понимаются в самом широком смысле как процессы возникновения порядка из хаоса, синергетика вводит свою концепцию хаоса как динамического или детерминированного хаоса. Хаос – сверхсложная упорядоченность, существующая потенциально и способная проявиться в огромном многообразии упорядоченных структур. В самом широком смысле си-

нергетика исходит из представления о диалоге, а не о конфронтации человека с природой и о взаимодействии различных потенциалов или видов энергии в целостном действии.

Идея диалога становится одной из важнейших во второй половине XX века.

С ней соотнесены самые разнообразные концепции, в том числе и теория катастроф и особенно конфликтология. Сам же феномен диалога оказывается центральным понятием наиболее плюралистической формы философской методологии – герменевтики.

Библиографический список

1. Библер В.С. Что есть философия? (Очередное возвращение к исходному вопросу) // Вопросы философии. 1995. №1.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. М., 1970.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1975.
4. Ильенков Э.В. Античная диалектика как форма мысли // Э.В.Ильенков. Философия и культура. М., 1991.
5. Критика немарксистских концепций диалектики XX века. М., 1988.
6. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. №1.
7. Швырев В.С. Как нам относиться к диалектике // Вопросы философии. 1995. №1.
8. Adorno Th.W. Drei Student zu Hedel. Frankfurt a M, 1966.
9. Adorno Th.W. Negative Dialektik. Frankfurt a M, 1966.
10. Markuse M. Reason and Revolution. Boston, 1964.